

— Да, с помощью двух невинных душ следователи наконец раскрыли истину дела. Жена Шэнь Шэна действительно питала нежные чувства к своей подруге детства Цин Мэй, но до интимной близости дело не доходило. Всё это выдумал нищий, затаивший злобу на Шэнь Шэна, который в пьяном угаре избил его. Когда жена Шэнь Шэна возвращалась ночью после встречи с Цин Мэй, где они делились горем, нищий напал на неё, надругался и убил. Сам Шэнь Шэн в это время пьянствовал в веселых кварталах.

А гребень нищий обронил, когда избавлялся от тела. Позже его случайно подобрала убитая горем Цин Мэй. Нищий решил, что она знает правду, оглушил её и сбросил в реку. Что же до его показаний — это была чистой воды клевета на Шэнь Шэна. В конце концов нищего казнили, а следователь сам сложил с себя полномочия.

Закончив рассказ, Дева Цзюнь надолго замолчала. Ли Чжао почесала в затылке, решив, что та просто потрясена историей, и собралась было её утешить.

Но Дева Цзюнь вдруг произнесла: «Получить — и не ценить. Ослепнуть — и ошибиться в суждении. Чувства, скованные условностями. Месть, замыкающая порочный круг. Жадность, глупость, малодушие, гнев... Вот причины бед, но человеку от них не уйти».

Неизвестно, о чём она подумала, но лицо её омрачилось печалью.

— Дева Цзюнь... — Ли Чжао уже пожалела, что затеяла этот рассказ.

Но прежде чем она успела придумать слова утешения, обе, не глядя под ноги, угодили в хорошо замаскированную ловушку.

В мгновение ока их подбросило в воздух. Ли Чжао инстинктивно притянула к себе Деву Цзюнь, стараясь прикрыть её собой, и оказалась внизу, готовая стать ей подушкой.

Вскоре ветер заиграл с ветвями, ветви держали сеть, сеть обвила обеих, заставив их тесно соприкоснуться.

«Тук-тук-тук» — где-то забился набат. Всё тело Ли Чжао окаменело, даже кости и кровь застыли. Но внутри уже разгорался огонёк. Огонёк распускался, словно цветок, колыбался на ветру и разливался теплом по жилам. За несколько мгновений она уже горела.

Ей отчаянно захотелось прохлады, чтобы погасить пламя. И эта прохлада была прямо в её объятиях. Но разум удержал её от желания слиться с ней. Руки замерли в воздухе, не смея прикоснуться.

А в ушах девушки, что была в её объятиях, стоял шум прибоя — не извне, а из самой глубины сердца. Вань Цзюнь чувствовала, как мир кружится, её охватили головокружение и растерянность. Она понимала, что попала в объятия пламени, но странным образом не чувствовала жара. Ей даже хотелось сгореть вместе с ним. Сжечь душу и тело дотла, чтобы больше не ведать холода, мук и сомнений...

Мысль возникла и тут же погасла. Она пришла в себя и невольно зашевелилась. В движении мягкое коснулось мягкого, высекая искры и электрические разряды. Мгновенно тепло и лёгкое оцепенение разлились по всему телу, пробудив щемящий зуд в самой глубине сердца.

Она тут же обмякла и покорно прильнула к огню, лишь плотно сомкнув веки и стиснув зубы, чтобы не позволить этому странному чувству лишить её рассудка.

Но объявшивший её «огонь» готов был пережечь последние нити её разума. Руки Ли Чжао дрожали. Как же ей хотелось прикоснуться к прохладе в своих объятиях! Но нельзя. Стоило прикоснуться — и она утонет в этом ощущении, уже никогда не сможет отпустить, захочет завладеть ею целиком.

Нельзя. Ни за что. Их дыхание смешивалось и отталкивалось, их чувства соприкасались и расходились. Лишь слово «нельзя» оставалось для них общим.

Однако небеса любят подшучивать над смертными. Налетел шквалистый ветер, и сеть закачалась, словно сухой лист, готовый оторваться от ветки и умчаться в небеса.

Колыхаясь и переворачиваясь в воздухе, Ли Чжао инстинктивно крепче прижала к себе подругу. И в тот же миг последняя нить оборвалась.

Когда ветер стих, сеть вернулась на место, плавно покачиваясь, словно колыбель, готовая убаюкать своих пленниц, погрузить их в безумие и лишит последних остатков рассудка.

Одна уже дремала, другая ещё боролась.

Ли Чжао крепко обнимала Деву Цзюнь, её подбородок покоился на её плече. Взгляд был затуманенным, а глаза неотрывно следили за нежным ухом, наполовину прикрытым серебристыми прядями. Оно было таким маленьким, милым и подернутым румянцем. Почему оно выглядело так соблазнительно?

Зуд в сердце стал невыносимым. Она тихонько приблизилась, её дыхание взметнуло серебристые пряди. Она закрыла глаза, и её губы коснулись тёплой мочки уха, слегка сжав её.

— Ли Чжао!

Два слова, полных стыда и гнева, прозвучали как удар грома. Ли Чжао резко открыла глаза, и в момент возвращения рассудка её сердце болезненно сжалось. Руки, обнимавшие Деву Цзюнь, медленно разжались, и в них заметна была дрожь.

— Дева Цзюнь, я...

— Я не желаю слушать твоих объяснений.

Она сердилась.

Хотя сейчас они были так близки, между ними не осталось и щели, Ли Чжао чувствовала, что Дева Цзюнь отдалилась от неё на целую вечность. Ей стало страшно, захотелось крепко приковать её к себе. Но как она могла?

Поступи она так — и неминуемо ранит Деву Цзюнь. Ли Чжао предпочла бы умереть, предпочла бы никогда больше её не видеть, но только не причинять ей боли.

Сжав кулаки, она могла выговорить лишь три слова:

— Прости.

Но эти слова ничего не могли изменить. Они не могли стереть из сердца Вань Цзюнь ни стыд, ни гнев, ни лёгкую тень разочарования. Может, она слишком много ждала? Ждала, что Ли Чжао всегда будет уважать её, что та будет терпеливо ждать, пока она сделает выбор. Увы...

— Ой, простите, девочки! Я вас сейчас спущу!

Снизу вдруг раздался голос, привлёкший их внимание, хотя мысли обеих были далеко.

Вскоре сеть опустилась на землю, и пленницы обрели свободу. Едва освободившись, Вань Цзюньи сразу же отпрянула от Ли Чжао, сохраняя почтительную дистанцию. Выражение её лица было холодным и отстранённым.

А Ли Чжао стояла, понуро опустив голову, неподвижная, словно вкопанная. Кулаки её были сжаты до побеления костяшек, а сердце переполняли горечь и раскаяние.

— Эй-ей! Простите, сёстрицы! Я ставила ловушку на зверя, не думала, что в этих глухих горах кто-то появится, да ещё и угодит прямо в неё!

К ним подбежала девушка. Кудрявые волосы закрывали большую часть её лица, не позволяя разглядеть черты. Она была мала ростом и хрупка, словно ягнёнок, но на поясе у неё висел необычайно длинный прямой меч, а её душевные колебания то проявлялись, то скрывались, не позволяя недооценивать её.

— Э? Вы что, поссорились?

— ...Всё в порядке, — отозвалась Вань Цзюньи и тут же добавила:

— Вам не стоит беспокоиться об этом. Прощайте.

Сказав это, она развернулась и ушла, не простившись с Ли Чжао.

Девушка приподняла бровь, проводив её взглядом, затем обернулась к другой, всё ещё стоявшей столбом, и небрежно бросила:

— Люди не святые, кто без греха? Но из-за страха ошибиться можно упустить сокровище, а потом кусать локти...

Её слова ещё не успели смолкнуть, как ветер взметнул её кудри, и она исчезла из виду.

Девушка усмехнулась, потянулась и пошла собирать свою сеть.

...

— Кстати, а ты, старый даос, как сюда попал?

Янь Цайи шла под гору, переплетая пальцы с пальцами возлюбленного, её шаг был лёгким и быстрым. Вдруг она вспомнила об этом и задала вопрос.

— На рынке заметил подозрительного типа и пошёл за ним, — ответил Цзянь Юй, глядя прямо перед собой, с лёгкой улыбкой на губах.

Услышав это, Янь Цайи моргнула, слегка нахмурилась и неуверенно спросила:

— Ты что, за мной следил?

— А за кем же ещё?

— Если ты следил за мной... значит, ты видел, как я дралась с тем мерзавцем? — её лицо

изменилось, в нём мелькнули страх и недоверие.

— Как это возможно, — Цзянь Юй посмотрел на неё, увидел её испуганный взгляд и понял, о чём она подумала. Он остановился, снова обнял её, но на этот раз не прильнул к её шее, а посмотрел ей прямо в глаза. — Увидь я, что ты сражаешься, разве бы я остался в стороне? Разве бы я позволил тебе отравиться и стать жертвой домогательств того подлеца?

— Тогда... — она, конечно, верила ему, но его появление было уж слишком своевременным...

— Когда я понял, что слежу за тобой, то хотел остановиться. Ты ведь снова обвинила меня в том, что я похабник, я тебя побаиваюсь и не хочу, чтобы ты снова смущала мой покой. Но всё же не мог оставить тебя одну в таком глухом месте. Последние дни на горе Ванцин яблоку негде упасть, всякий сброд собрался, и сердце не было спокойно.

Он сделал паузу, не удержался и поцеловал её, а затем продолжил, словно ничего не произошло:

— Вот я и пошёл тебя искать. Распросил встречных, узнал, на какую гору ты поднималась. Долго шёл на звуки и наконец нашёл тебя как раз в тот момент, когда тот негодяй собирался тебя облапить.

В конце его лицо стало мрачным, в глазах вспыхнул гнев. Увидев это, Янь Цайи почувствовала такую радость, что тут же подставила губы, и они снова погрузились в поцелуй.

В конце Цзянь Юй прикоснулся лбом к её лбу и тихонько рассмеялся:

— Что это ты так любишь целоваться?

— А ты разве нет? — она взглянула на него томно, а улыбка её была так соблазнительна, что могла свести с ума.

Цзянь Юй готов был утонуть в этой улыбке. Он искренне хотел жениться на ней, сделать её своей навсегда. Увы, он сам был женщиной. Он не знал, как она к этому отнесётся. Пожалуй, подождёт, пока она полюбит его ещё сильнее, — тогда, возможно, она уже не сможет сбежать...

Поймав себя на этой дурной мысли, он закрыл глаза. Колокол в его сердце дал трещину.

— Старый даос?

— Ничего. Пойдём дальше. — Цзянь Юй отпустил её, взял за руку, и они снова зашагали вниз.

Янь Цайи была немного озадачена, но не придавала этому значения. В конце концов, рано или поздно она узнает о нём всё. Он уже обещал посвататься, так что можно не торопиться.

Однако...